

Рукоделию Се Цзиньхуаня обучила его мать Юй Цинъюэ. Вышивала она превосходно и ещё до замужества зарабатывала этим ремеслом, помогая семье.

С Се Чуном она и познакомилась, когда ходила продавать товар в лавку тканей.

Се Чун влюбился в неё с первого взгляда, два месяца неистово добивался её руки и наконец взял в жёны.

Но после того как она вошла в богатый дом, семья Се запретила ей заниматься подобными делами, где приходится показываться на людях. И только когда она слегла от болезни и утратила расположение мужа, она снова взялась за рукоделие, а заодно и обучила ему Се Цзиньхуаня.

Одежда, которую Шэнь Сюмэй дала ему для починки, была по большей части грубой рабочей одеждой мужчин семьи Сюй, широкой и просторной, вся тёмных, немарких цветов.

С появлением дела Се Цзиньхуань заметно приободрился. Даже такое простое занятие, как починка одежды, он исполнял на редкость старательно, а движения его были ловкими.

Когда Шэнь Сюмэй принесла ему обед, вся одежда в корзинке была уже аккуратно заштопана. Слегка удивлённая, она подала ему плоску и взяла одну из вещей, чтобы рассмотреть.

Заштопанные места отличались ровными, мелкими стежками, заплаты сидели гладко, без морщин, и, не приглядываясь, вовсе нельзя было заметить следов починки.

— Хуань-гэр, да у тебя руки золотые! Это ж куда искусней, чем у тётушки!

Се Цзиньхуань засмутился от похвалы, но на душе у него было невероятно радостно. Даже простая, без затей, еда в плоске показалась вдруг гораздо вкуснее, и он управился с ней быстрее обычного.

Вечером Сюй Янь вернулся из порта в насквозь пропотевшей от пота одежде. Перед сном он набрал воды, собираясь ополоснуться холодной. Одеваясь, он вдруг задержал взгляд на плече.

Кончики пальцев прошлись по столь мелким стежкам, что следов их было почти не разобрать. Брови его едва заметно дрогнули.

Это была не мамина работа.

Мамину работу он знал: та шила тоже очень хорошо, но такой красоты в стежках не было.

Теперь во всём доме, кроме матери, такое тонкое рукоделие мог выполнять лишь тот

маленький гэр, что тихо выздоравливал в своей комнате.

В сердце Сюй Яня шевельнулось необычное чувство. Ему вдруг показалось, что эти мелкие, ровные стежки стянули не только края прорехи, но и что-то ещё.

Незаметно подошёл седьмой день. Опухоль на лодыжке Се Цзиньхуаня сильно спала, и он уже мог, опираясь на палку, осторожно прохаживаться по двору.

Эти дни он прожил с чувством глубокого удовлетворения: не только перештопал всю одежду в семье Сюй, но и вышил на светлом лоскуте узор лотоса и подарил такой платок Шэнь Сюмэй.

Та, получив платок, радовалась широко улыбаясь. Растить гэра — одно удовольствие, думала она, знает, чем порадовать, не то что её двое сыновей.

Не скупясь на похвалы, она восхитилась:

— Хуань-гэр, ну до чего ж искусная у тебя работа! Ты погляди на этот лотос — совсем как живой! Куда краше тех платков, что на улице продают!

— Я рад, что тётушке понравилось.

Се Цзиньхуань не знал, как выглядят платки, что продают на улице, но, слыша эти слова, в душе у него мелькнула мысль: а не вышить ли и ему несколько платков на продажу?

Эта мысль не выходила у него из головы. Поразмыслив, он решил, что это возможно.

Ему нужно было заработать денег, чтобы вернуть семье Сюй долг за лекарство. Нельзя было без конца жить и есть здесь на дармовщину. К тому же семья Сюй небогата, и прокормить лишнего человека вовсе не так просто, как добавить лишнюю пару палочек.

Вот только для вышивания платков нужны были деньги на хлопковую ткань и цветные нитки. А он сейчас остался без гроша. Приходилось пока подавить эту идею и отложить до тех пор, пока он не доберётся до дома дедушки и бабушки.

Одежда семьи Сюй была вся заштопана, и Се Цзиньхуань снова остался без настоящего дела. Лежать он больше не мог и, опираясь на палку, вышел во двор.

Увидев, что Шэнь Сюмэй развела огонь и готовит еду в кухонной пристройке, он подошёл и, усевшись, помог ей мыть и перебирать овощи.

Шэнь Сюмэй поначалу попыталась его отговорить, но потом, видя, что с ним не сладить, махнула рукой.

Отношения между ними становились всё теплее, и Се Цзиньхуань уже осмеливался обращаться с маленькими просьбами.

В тот день под вечер отец Сюй повёл Сюй Юя к деревенскому старосте, а Сюй Янь ушёл на дальний холм за хворостом. Так вышло, что ни отца, ни сыновей дома не было.

Се Цзиньхуань подковылял к Шэнь Сюмэй и тихонько сказал:

— Тётушка, последние дни я всё чувствую себя нечистым, да и голова зудит нестерпимо. Можно мне помыться?

— Помыться хочешь? — Шэнь Сюмэй и сама давно хотела его помыть. Дни стояли душные и жаркие; день-два не помоешься — и всё тело уже ноет. Но нога у Се Цзиньхуаня всё ещё болела, и она не решалась отпустить его мыться одного.

— А сам-то справишься?

Се Цзиньхуань кивнул:

— Я могу мыться сидя.

— Ладно, жди. Сейчас согрею тебе воды.

Шэнь Сюмэй вскипятила целый котёл воды. Когда вода закипела, она зачерпнула её деревянным тазом, вылила в бадью в маленькой каморке позади кухни, разбавила холодной водой и, попробовав рукой, убедилась, что как раз впору. Только тогда позвала его.

— Вода готова, иди мойся скорей.

— Спасибо, тётушка.

Поблагодарив, Се Цзиньхуань взял сменную одежду и, опираясь на палку, открыл низенькую дверцу. За ней обнаружилась тесная банная каморка, где в семье Сюй специально мылись.

Он плотно прикрыл дверь, скинул с себя грязную одежду и принялся поливать себя из деревянного черпака. На скамеечке рядом лежал плод мыльного дерева. Стоило намочить его — и он давал много пены; нанесённая на волосы, пена смывала большую часть грязи.

Закончив мыться, Се Цзиньхуань почувствовал, как разом полегчало всему телу, и наконец исчезло это липкое, сальное ощущение на коже.

— С мокрыми волосами в доме сидеть душно, а сейчас уж и солнце село. Ветерок обдувает

славно. Посиди-ка во дворе, просуши их, — предложила Шэнь Сюмэй.

— Хорошо.

Се Цзиньхуань и сам подумывал об этом. Он потихоньку доковылял до старого зизифуса посреди двора. Шэнь Сюмэй приставила к дереву старый бамбуковый стул.

— Сиди здесь и не вздумай никуда ходить.

Се Цзиньхуань послушно сел. Лучи заката тотчас объяли его. Сощурившись, он закинул полувлажные волосы за спину, подставив их лёгкому дуновению ветерка.

Вечерний ветер, полный свежести трав и листвы, коснулся его лица. Он глубоко вдохнул, и, казалось, тяжёлый груз на сердце, что давил все эти дни, тоже начал рассеиваться.

Сюй Янь возвращался с вязанкой дров с дальнего холма. На плече он тащил бревно толщиной с ногу. Сбросив его у ворот на землю, он по привычке направился было к колодцу набрать воды — и тут, подняв глаза, увидел сидящего в бамбуковом кресле.

Маленький гэр был одет в просторную старую одежду и выглядел особенно хрупким. Густые, чёрные как смоль, длинные волосы его были распущены и в солнечных лучах струились влажным, переливчатым блеском.

Он сидел, слегка отвернувшись и прикрыв глаза. Белоснежный изгиб шеи и тонкая линия ключицы были обнажены в вырезе ворота. Последние отсветы заката падали на его лицо; длинные ресницы безмятежно покоились долу. Вся его фигура дышала сонной, беззащитной негой и абсолютным покоем.

Ноги Сюй Яня приросли к земле. Он так и стоял, глядя на него.

Таким Се Цзиньхуаня он ещё не видел. Ни страха, ни тревоги — одно лишь полное расслабление. Такой тихий, будто целиком растворился в этом вечернем сиянии.

В горле у Сюй Яня пересохло, а сердце глухо и тяжело билось в груди. Он заставил себя отвести взгляд, подошёл к колодцу и молча набрал воды, ополаскивая руки. Ледяная вода стекала по рукам, но никак не могла унять это слишком частое сердцебиение. Вытерев руки, он снова, уже безотчётно, перевёл взгляд туда же.

Вечером Сюй Янь никуда не ушёл. Он отыскал несколько гладких веток зизифуса, взял в чулане острый короткий нож и принялся медленно обстругивать их.

Лезвие так и мелькало в его заглубивших пальцах; стружка летела во все стороны. Он строгал очень сосредоточенно и очень осторожно.

Нужно было обстругать как можно глаже, чтобы ни малейшего заусенца не осталось.

Шэнь Сюмэй, заметив, что он возится уже долгое время, не удержалась и с любопытством спросила:

— Чего это ты мастеришь?

Сюй Янь даже головы не поднял:

— Так, упражняюсь. Проверяю, остер ли нож.

Шэнь Сюмэй явно не поверила и шагнула было поближе, чтобы разглядеть, но Сюй Янь с проворством, прибрал то, что было у него в руках, и завёл руку с этой вещью за спину.

Шэнь Сюмэй скривила губы.

— Ишь ты, таинственный какой! Выглядит со стороны — будто тайком мастерит что-то для того кто по сердцу!

Сюй Янь:

— Нет.

Шэнь Сюмэй снова скривилась:

— Если бы ты хоть немного соображал, наши предки давно бы в гробах перевернулись!

Сюй Янь, видя, что она опять готова разразиться тирадой, не стал больше обращать на неё внимания.

С тех пор как в начале года он вернулся живым с пограничья, мать ни дня не знала покоя: то и дело жужжала ему в уши, что надо бы жениться.

За полгода сваха навевалась к ним четыре или пять раз. Называла и девушек, и гэров. Но он вдоволь насмотрелся на жизнь и смерть и не имел ни малейшего желания обзаводиться семьёй. Всем отказал.

Мать этим очень расстроилась и при каждом удобном случае принималась его журить. Он уже привык.

Шэнь Сюмэй вздохнула. Ей уже было не до того, чтобы разбираться, что там мастерит её старший сын. Покачав головой, она повернулась и ушла.

Этот её старшенький — вот уж печаль так печаль для её материнского сердца.

В пятнадцать лет попал под принудительный набор в армию, пять лет провёл солдатом на границе и только в начале этого года вернулся домой. Сейчас ему почти двадцать один, а нет даже и намёка на помолвку.

Незамужние девушки и неженатые гэры в деревне на него и не смотрят: кому он слишком беден, кому — чересчур стар. Да и сам он хорош: целыми днями ходит с каменным лицом, слова не дождёшься.

И сколько же ей ещё так ждать, когда наконец она увидит свою невестку?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/19685/1949390>